

Правовые последствия выхода участника из общества

Постановление ФАС СКО от 13.01.2011 № А32-22398/2008

По смыслу п. 1 ст. 43 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» отсутствие у обратившегося в суд лица статуса участника общества исключает возможность обжалования им решений общего собрания. Правовые последствия заявления о выходе из общества наступают исключительно в силу волеизъявления участника, направленного на прекращение прав участия в этом обществе. Такое волеизъявление является односторонней сделкой, обращенной (адресованной) к обществу, из которого выходит участник. Для порождения такой сделкой юридических последствий необходимо направление и получение обществом заявления участника.

Истец обратился в арбитражный суд с иском к ответчику, обществу и налоговой инспекции с требованиями о признании недействительным решения внеочередного общего собрания участников общества, оформленного протоколом; обязанности инспекции внести в ЕГРЮЛ сведения о признании недействительными регистрационных записей в отношении общества.

Решением, оставленным без изменения постановлением апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано. Судебные акты мотивированы тем, что на момент проведения общего собрания, как и на момент предъявления иска, истец утратил статус участника общества, поэтому не вправе обжаловать решения органов управления юридического лица. Судебные инстанции указали, что оспариваемое решение общего собрания не затрагивает прав и законных интересов истца, поскольку на тот момент ответчик являлся единственным участником общества.

Истец был принят в состав учредителей общества. Доли в уставном капитале общества были распределены между истцом и ответчиком поровну.

Через два года истец как единственный участник общества провел общее собрание. В повестке дня указаны: расторжение срочного трудового договора с директором общества — истцом; его исключение из состава учредителей общества; внесение изменений в учредительные документы общества; избрание директора общества. Согласно протоколу трудовой договор с директором общества — истцом расторгнут, он исключен из состава учредителей общества, на должность директора общества сроком на один год избран ответчик. Полагая, что общее собрание участников общества было проведено с нарушением действующего законодательства и повлек-

ИНТЕРЕСНОЕ ДЕЛО

ло нарушение прав и законных интересов заявителя, истец обратился с иском в арбитражный суд.

В обоснование возражений ответчик представил акт о вскрытии сейфа и проверке его содержимого с приложенными к нему фотоматериалами, из которого следует, что при вскрытии сейфа изъяты заявление истца о выходе из состава участников общества и протокол общего собрания участников общества, подписанный истцом.

Поскольку истец не признал факт составления и подписания заявления и протокола, определением суда по делу назначена судебная экспертиза указанных документов.

В заключениях экспертов изложены однозначные выводы о том, что подпись на заявлении о выходе из состава учредителей общества принадлежит истцу; печатный текст на заявлении о выходе из состава участников общества выполнен в один прием и не имеет допечатанных фрагментов; все фрагменты текста нанесены одновременно. При этом эксперты не смогли определить хронологическую последовательность нанесения печати, подписи и текста на заявлении.

Определением суда по ходатайству истца назначена дополнительная судебная экспертиза для разрешения вопроса об определении хронологической последовательности нанесения печати, подписи и текста на заявлении.

В соответствии с заключением эксперта первоначально в заявлении выполнена подпись от имени директора общества — ответчика и оттиск печати юридического лица, а затем печатный текст.

Ответчик представил в материалы дела заключение независимой экспертизы, в котором изложены следующие выводы: подписи от имени истца, расположенные в заявлении и протоколе общего собрания учредителей общества, выполнены им. Истец заявил ходатайство о назначении по делу повторной экспертизы, мотивируя это тем, что эксперты сделали противоположные выводы.

По результатам исследования установлено, что подпись от имени истца протокола общего собрания учредителей (участников) общества выполнена им. Первоначально на листе выполнен печатный текст, а потом подпись от имени истца.

Суды, отказывая в удовлетворении требований, пришли к выводу об отсутствии признаков фальсификации заявления о выходе из общества и протокола общего собрания.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 26 Закона об обществах с ограниченной ответственностью участник общества вправе в любое время выйти из общества независимо от согласия других его участников или общества. В случае выхода участника из общества его доля переходит к обществу с момента подачи заявления о выходе. Правовые последствия подобного заявления наступают исключительно в силу волеизъявления участника, которое направлено на прекращение прав участия в этом обществе. Такое волеизъявление является односторонней сделкой, обращенной обществу, из которого выходит участник, поскольку для ее совершения в соответствии с законом достаточно воли одной стороны. Для порождения такой сделкой юридических последствий необходимо направление и получение обществом заявления участника. В соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.12.1999 № 14/90 «О некоторых вопросах при-

менения Федерального закона „Об обществах с ограниченной ответственностью“» выход участника из общества осуществляется на основании его заявления, с момента подачи которого его доля переходит к обществу. Заявление о выходе из общества должно подаваться в письменной форме.

Временем подачи такого заявления следует считать день передачи его участником как совету директоров либо исполнительному органу общества, так и работнику общества, в обязанности которого входит передача заявления надлежащему лицу, а в случае направления заявления по почте — день поступления его в экспедицию либо к работнику общества, выполняющему эти функции.

Исходя из п. 2 ст. 26 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», подача заявления участником общества порождает правовые последствия, предусмотренные этой нормой, которые не могут быть изменены в одностороннем порядке. Вместе с тем это обстоятельство не лишает участника права в случае отказа общества удовлетворить его просьбу об отзыве заявления о выходе из общества оспорить такое заявление в судебном порядке применительно к правилам о недействительности сделок, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации.

Суд кассационной инстанции, отменяя акты нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение, указал, что вывод о получении обществом заявления о выходе истца из состава участников общества не соответствует имеющимся в деле доказательствам.

На заявлении истца о выходе из состава участников общества отсутствуют отметки о приеме этого заявления; не указана дата поступления заявления в общество; поступление заявления не отражено в журнале входящей корреспонденции.

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

**Ткаченко
Ася
Алексеевна,**
старший
преподаватель
кафедры
гражданского
права Кубанского
государственного
аграрного
университета,
кандидат
юридических наук

Правовые последствия заявления о выходе из общества наступают исключительно в силу волеизъявления участника, направленного на прекращение прав участия в этом обществе. Такое волеизъявление является односторонней сделкой, обращенной (адресованной) к обществу, из которого выходит участник, поскольку для ее совершения в соответствии с законом достаточно воли одной стороны (п. 2 ст. 154 ГК РФ). Арбитражная практика в большинстве случаев также признает заявление о выходе из ООО односторонней сделкой, т.е. юридическим фактом, в результате которого происходит установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Положения ст. 26 Закона об ООО применительно к указанным правилам ГК РФ носят специальный характер, поэтому судебная практика исходит из того, что надлежащим доказательством, подтверждающим волеизъявление лица на выход из состава участников общества, может быть лишь заявление такого лица, совершенное в письменной форме.

ИНТЕРЕСНОЕ ДЕЛО

При этом предусмотренные юридические последствия (утрата участником ООО своего статуса участника и переход доли к обществу) наступают независимо от государственной регистрации изменений учредительных документов общества и от того, отдадут ли себе отчет в том, что эти последствия наступили, другие участники ООО, а также лица, выполняющие функции исполнительных органов общества. То есть последствия подачи заявления о выходе из ООО носят необратимый характер. Это значит, что изменить свое намерение о выходе из общества участник может только до момента подачи заявления. После того как ООО получило заявление о выходе, отозвать в одностороннем порядке его уже нельзя, поскольку с этого момента участник не может вернуть свою долю без согласия самого общества. Представляется, что из ст. 24 Закона об ООО следует, что для возврата участнику его доли необходимо решение общего собрания.

Таким образом, заявление о выходе из ООО, являющееся односторонней сделкой, может быть признано недействительным, как и любая иная сделка. Поэтому добиться возврата ситуации в первоначальное положение, существовавшее до подачи заявления (при условии, что общество отказывается добровольно вернуть ему долю и тем самым восстановить его в правах участника), участник может единственным способом — подать иск о признании заявления недействительным. При этом участник в силу ст. 65 АПК РФ должен доказать существование обстоятельств, которые свидетельствуют о недействительности его заявления.

На необратимый характер последствий подачи заявления участника о выходе из ООО обратили внимание также и высшие судебные инстанции. В частности, в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 09.12.1999 № 90/14 указывается на следующее: «Исходя из пункта 2 статьи 26 Закона [об ООО] подача заявления участником общества порождает правовые последствия, предусмотренные этой нормой, которые не могут быть изменены в одностороннем порядке. Вместе с тем это обстоятельство не лишает участника права в случае отказа общества удовлетворить его просьбу об отзыве заявления о выходе из общества оспорить такое заявление в судебном порядке применительно к правилам о недействительности сделок, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации (например, по мотивам подачи заявления под влиянием насилия, угрозы либо в момент, когда участник общества находился в таком состоянии, что не был способен понимать значение своих действий или руководить ими)...»

Необходимо также обратить внимание на то, что положения п. 1 ст. 26 Закона об ООО были изменены с 1 июля 2009 г. Федеральным законом от 30.12.2008 № 312-ФЗ. В настоящее время выход участника из общества с ограниченной ответственностью допускается только в том случае, если это предусмотрено уставом общества. Следует также отметить, что с тех пор и учредительный договор утратил статус учредительного документа. Соответственно, заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью не может рассматриваться в качестве сделки, направленной на изменение учредительного договора (такой вывод делали ранее суды, исходя из положений п. 1, 2 ст. 26 Закона об ООО в предыдущей редакции и (или) п. 1 ст. 89 ГК РФ (в ред. до вступления в силу Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ)).

**Головко
Леонид
Витальевич,**
профессор МГУ
им. М.В. Ломоно-
сова, доктор
юридических наук

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

Данный спор представляет сложность не с точки зрения оценки норм гражданского законодательства (здесь все ясно: есть надлежаще оформленное волеизъявление — участник вышел из общества, нет — он по-прежнему остается в обществе со всеми вытекающими отсюда последствиями), а с точки зрения установления фактических обстоятельств дела. Ведь как суду, так и любому наблюдателю понятно, что здесь могут иметь место две одинаково недопустимые и абсолютно противоположные ситуации: а) участника просто-напросто незаконно выкинули из общества, воспользовавшись, допустим, неосторожно оставленными им из каких-то управленческих соображений чистыми листами с подписью и печатью; б) участник добровольно вышел из общества, а затем начал по каким-то мотивам (чаще всего корыстным) шантажировать своих бывших партнеров, предъявлять в суд иски о признании недействительными решений общего собрания, блокируя тем самым экономическую деятельность общества и т.д. Но как только мы попытаемся процессуально разобраться с тем, что на самом деле имело место, это тут же выведет нас на две фундаментальные проблемы отечественного право-ведения.

Во-первых, ясно, что средствами классического гражданского (арбитражного) процесса установить здесь фактические обстоятельства вряд ли возможно, если не превращать тот же арбитражный суд в орган расследования. Ведь узнать в данном случае истину технически не столь уж и сложно — для этого достаточно допросить обоих участников и технический персонал компании, провести между ними очную ставку, выяснить, чем они занимались и занимаются на протяжении последних месяцев и лет и т.д. Но все это сугубо уголовно-процессуальные инструменты, которые странно смотрятся на фоне чисто состязательного процесса, исследования обстоятельств дела в рамках заявленных требований и прочих атрибутов гражданского (арбитражного) судопроизводства. Именно поэтому в нормальной ситуации арбитражный суд должен иметь возможность спокойно рассматривать дело в пределах одних лишь формальных письменных документов (есть подпись, нет подписи и т.п.), поскольку понятно, что у «обманутого» лица всегда остается другой способ защиты своих прав — путем подачи заявления о совершении преступления, предусмотренного, скажем, новой антирейдерской ст. 170.1 УК РФ. Именно поэтому решение арбитражного суда об отклонении, допустим, требований не должно иметь никакого преюдициального значения для органов расследования вопреки нынешней парадоксальной формулировке ст. 90 УПК РФ, принятой в условиях безумной «войны за компетенцию». Здесь не должно быть никакой иерархии процессов, а должно быть иное — нормальное разделение полномочий в рамках эффективной правовой системы между гражданскими и уголовными юрисдикциями. В противном случае арбитражным судам придется самим выполнять функции органов расследования, ломая логику не только арбитражного процесса, но и всей

ИНТЕРЕСНОЕ ДЕЛО

правовой системы и сталкиваясь со сложностями, подобными тем, с которыми они столкнулись в данном деле.

Во-вторых, спорить по фактическим обстоятельствам можно до бесконечности. Поэтому классическая теория судебных инстанций предполагает, что двух инстанций (первой и апелляционной) достаточно для установления всех обстоятельств дела, после чего решение становится окончательным (в смысле установления именно фактических обстоятельств), но не вступает в законную силу (у нас вступает, что *non-sens*, но это отдельный вопрос), так как его еще можно оспорить в кассации в связи с неправильным применением правовых норм. В чем в данном случае правовая проблема? Ее ведь нет, т.е. кассационная инстанция почувствовала «что-то неладное» как раз с точки зрения оценки фактических обстоятельств и прикрыла свою апелляционную логику формальным указанием на какие-то статьи Закона об ООС. Дело вернется в предыдущие инстанции, и там снова придется ходить по кругу, выбирая, кому из сторон поверить, и не имея доказательственных (уголовно-процессуальных) инструментов для установления всей полноты картины. В этом смысле постановление ФАС СКО не решает проблему по существу, а лишь процессуально оттягивает ее решение.